

Вяч. И. Иванов — В. Ф. Эрну

Сочи, 7.III.1917.

Любимый мой братец, светлый Володя!

[ὁ δὲ Ἰησοῦς ἀκούσας ἀπεκρίθη αὐτῷ,] Μὴ φοβοῦ, μόνον Πίστευσον, καὶ σωθήσεται. [...] [Αὐτὸς δὲ] κρατήσας τῆς χειρὸς αὐτῆς Ἐφώνησεν λέγων, Ἦ Παῖς, ἔγειρε. καὶ Ἐπέστρεψεν τὸ Πνεῦμα αὐτῆς, καὶ ἀνέστη Παρὰ χρῆμα, καὶ διέταξεν αὐτῇ δοθῆναι φαγεῖν.

Вот в эти дни мне всего тяжелее разлука с тобою. Не позволяю себе страшиться угроз и опасностей, коими чревато время. Пораженцев боюсь и якобинцев. Молюсь, да останется Бия и впредь так же связанной, как связан Кратос. Ἐν ἀνθρώποις εὐδοκία. А Церковь словно бы уже улыбнулась сквозь сон, как Природа раннею весной. Али нет?.. Жутко!

Αἴλινον Αἴλινον ἐπέ, τὸ δ' εὖ νικάτω.

Явно, что спасительная операция была произведена в минуту, когда уже начиналось заражение крови. Но сама операция — одна из тех, за последствия которой хирурги не ручаются...

Μὴ φοβοῦ, μόνον Πίστευε, καὶ σωθήσεται...

А на дне волнуемой души великая радость, говорящая «ныне отпускаеши» волеию и томлению целой жизни, и хватит этой радости на всю остальную жизнь.

4-го марта, в день моих именин, вышли здесь телеграммы, содержащие манифест об отречении и объявление великого князя Михаила. Казалось, что «полюс» самодержавия, чтобы растопить который было недостаточно не только крови декабристов, как говорит Тютчев, но и целых рек крови за целое столетие, — вдруг растаял сам собою, чудесно, уже бескровно...

Не человеческим плугом
мір перепахан отныне...
Вырвано с глыбой черной
Коренья зол застарелых...

Странно переживать исполнение того, что сам предвидел и в чем уверял других, потому что предвидел *realiora*, а познал математическим знанием, что они сильнее, чем *realia*; но когда они внезапно становятся на места «реалий», ты не удивлен, как другие, но изумлен больше других — σύ θαυμάζεις, ἀλλ' Ἐκπλήττου...

Вечером в тот день я написал сонет, который тебе должен сообщить; он выражает то, что почувствовалось за событиями мистически: Христос приближается или близко проходит подле нас, но это прохождение, быть может, будет сопровождаться и буйным возбуждением сил зла. Чье ухо различит поступь Христа сквозь гул Люциферовой бури. Но все же Он стоит на берегу, еще не узнаваемый учениками.

Πρωΐας δὲ ἤδη γενομένης ἔστι ὁ Ἰησοῦς εἰς τὸν Ἀγιάλον οὐ μέντοι ἤδεισαν οἱ μαθηταὶ, ὅτι Ἰησοῦς ἔστι λέγει οὖν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς Παιδίᾳ, μή τι προσφάγιον ἔχετε; ἀπεκρίθησαν αὐτῷ Ὁῦ...

Ὡς οὖν ἀπέβησαν εἰς τὴν γῆν, βλέπουσιν ἀνθρώπιαν κειμένην καὶ ὄψαριον ἐπικείμενον καὶ ἄρτον. λέγει αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς Ἐνέγκατε ἀπὸ τῶν ὄψαριῶν ὧν ἐπιάσατε νῦν. ἀνέβη Σίμων Πέτρος καὶ εἴλκυσε τὸ δίκτυον ἐπὶ τῆς γῆς, μεστὸν ἰχθύων μεγάλων ἐκτὸν πενήκοντα τριῶν· καὶ τοσοῦτων ὄντων οὐκ ἔσχισθη τὸ δίκτυον (Ἰωανν. XXI).

Я не знаю, печатать ли эти стихи. Кажется, они непонятны или, что еще хуже, могут быть ложно поняты. Если бы ты (чего не ожидаю) сильно стоял за их напечатание, пусть М. М. предложит их в «Русское Слово» или пошлет в «Русскую Мысль» с наказом печатать немедленно, как, бывало, в «Вопросах Жизни» печатали тотчас три мои поэтических отклика на события 1905 г. Я не имею твердого суждения об уместности напечатания, но скорее против, чем за; ибо просто боюсь заявления, неподходящего по тону, могущего быть неправильно перетолкованным. Решай ты.

Спасибо тебе за важные и радостные для меня строки о статье, которую ты понапрасну отказывался править, за милое ваше с Евгенией Давыдовой письмо ко дню моего Ангела, за всю твою ласку и также за твою защиту от ласки плачущего Льва (он был бы польщен, если бы узнал, что я именую его спутником Заратустры, тогда как для тебя он только *Leo Aegrotus* басни).

Целую трижды

Любящий тебя Вячеслав

